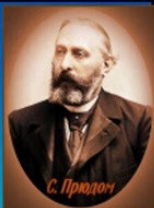

18+

Ш. Балсер

том
шестой

С. Прудом

Мировая поэзия

поэтика

П. Гого

П. Неруса

М. Меклер

Д. Джос

У. Оден

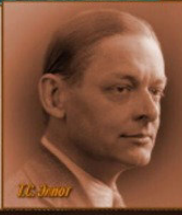
Михаил Меклер

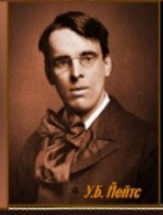
Г. Гулько

Г. Кивити

М.С. Джог

У.Б. Пойтс

Михаил Меклер
Мировая поэзия.
Поэтика. Том 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72211063
ISBN 9785006744097*

Аннотация

Опус закончился. Он, как уголь, родился из ярости пространства горящих лесов, распространяя своё светлое пламя, удалился, корнями разыскивая боль и силу богов. Песня общая для человека, ломоть хлеба — в этом цель и сущность этой песни. Опять рождается без горя это слово, как нега, будет гореть моё жгучее и звёздное сердце. Так заканчивается эта книга в моей харизме, мой опус прозвучал под крылами отчизны.

Содержание

«Опус Латинской Америки»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мировая поэзия. Поэтика

Том 6

Михаил Меклер

© Михаил Меклер, 2025

ISBN 978-5-0067-4409-7 (т. 6)

ISBN 978-5-0059-5722-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Опус Латинской Америки»

ЗЕМНОЙ СВЕТИЛЬНИК

Любовь-Америка 1400г.

Ещё до париков и до камзолов
здесь были кряжи, гребни, реки,
где каменели кондор, снег – до сроков,
пока землёй, сосудом были предки.
Потом не смог их вспомнить даже ветер,
а воды язык захоронили,
потух земной светильник их навеки,
но жизнь не умерла, осталась заводь лилий.

Я тут, чтоб рассказать о происшедшем
в проломах венесуэльской тишины —
тебя, мой прашур, искать я буду вечно.
Я, инка, не наречённый до поры,
пока твой аромат в меня корнями врос,
в тычинку юга и до нежнейших слов,
ещё не сказанных тебе всерьёз.

1. Растения

На землю без имён и чисел гнал ветер бремя,
с небес тянулись дождевые пряжи.
Из тучных недр произрастало время.

Бог возвращал планете цветы и жизни,
цветущие курчавились палисандры
за океанской пеной и на яву,
щетинились ряды араукарий,
деревья цедили кровь через листву.

Новорождённый запах плыл,
и мерно, словно вдох и выдох,
сгущаясь в ароматный дым,
расцвёл табак из разных видов.
Прорезался маис, чтобы подняться,
осыпаться и заново рождаться,
сжимая корневищем всех и обниматься,
взирая, как к Богу растения стремятся.

На крыльях кряжей семена ветров
по далям разнеслись дремучим светом.
Среди пампас властитель трав – миров,
стал править: корнями обуздав всё это.
Америка, меж океанов ежевичник и дубрава,
между полюсов – сокровищ чаша огородов,
в разлапистой листве зелёная утроба.
Америка, как винный погреб, – саванна всходов,
архипелаг цветенья, – золотой итог,
на гроздь походит – изобилия рог.

2. Некоторые звери

По-игуаньи сумрак наступал, сползала темень.

Свисая с радужных зубцов заката,
его язык копьём впивался в зелень,
тянулись мураши по сельве, где гуанако
едва касался бурых косогоров и
лама своими детскими глазами
терялась в нежной глубине земли.
В зудящей похоти переплетались павианы,

повсюду сметая бастионы цветня.
Каймановая ночь сквозила и кишела,
ягуар сквозь листья крался незаметно,
в ветвях перебегала пума смело,
её зрачок сверкал по сельве, как локатор,
а в глубине великих вод лежала анаконда,
она огромная, похожа на земной экватор, —
вся в волдырях, прожорливая и богомольна.

3. Слетаются птицы

Земля всегда была в своём полёте.
Пернатые кардиналы текли по небу,
похожие на кровь с Анауака на рассвете,
тукан, как чудо-короб, готовился к ночлегу,
колибри на лету, жужжа сверкали
и воздух лизали огненными язычками.
Прославленные попугайчики мерцали,
как золотые самородки с жёлтыми очками.

Орлы, слетевшись, утоляли полно

наследственную жажду крови гордо,
а выше их, над птичьей бойней,
парил король расправы, кондор.
Простуженные козодои перекликались у воды.
Вяхирь свивал своё гнездо – весенний признак,
а яйца в нём хранил рядами, как склады,
и трель чилийского скворца лилась в пунцовых брызгах.

Фламинго из атласно-розового храма
поднимался на заре, себе краса,
кетсаль очнулся над океанским гамом,
сверкнул и взвился в небеса.
Лунной дорогой до островов пернатые движения
тянулись вдоль набухающих атоллов Перу.
Живая чёрная река из крохотных сердцебиений,
как шлейф звезды, неслась к архипелагу поутру.

По границам разъярённых морей
вздymались крылья альбатросов,
и над иерархией пространств везде
царил правопорядок одиночеств.

4. Стекаются реки

Любовь потоков – покорена лазурью вод
и чистотою капель рек, озёр, болот.
Богиня-ночь с надкушенным анисом, сгущала тучи,
вставала обнажённая в татуировке голубых излучин
и пряди с водоносной высоты

поили землю свежестью росы.
По бёдрам родниковые струи сливались.
В лице озёр они серебрились

и в родимой чаше воды собирались,
как природы живительные слёзы.
Затем, прокладывая русла по пескам
сквозь мировую ночь и тут и там,
прорезали шершавые из гранита плато,
распарывая по пути всю соль эпох за то,
чтобы тугой стеной все рощи огибая,
мускулатуру кварца разводя и нагибая.

Позволь с тобой остаться Ориноко
и нагим к тебе спуститься одиноким,
шагнуть в твои крестильные потёмки,
окупаться в пурпурной влаге Ориноки.
Я руки погружу в твои материнские глубины.
Из нищих я, – из недр твоей безмолвной глины.
Река истоков, родина корней —
твой вольный гул и дикий лист с ветвей.

Амазонка клад водяных слогов, поток времён —
отец-родоначальник без имён,
глухая вечность оплодотворений в нём
и он пропах лесным гнильём.
К тебе, как птицы, реки тянутся без меры
и не сберечь тебя луне, тебя не смерить.
Молокой зелёной ты отягощён,

как свадебное древо ты посеребрён
и ржавчиной от плавуна,
окутанный туманом ты сполна,
в осколках новолунья глубина
и ход светил ты отражаешь лишь одна.

Ответь на зов мой, Био-Био, —
твои течения вдохновляют к жизни.
Ты мне свои губы подарила
язык и полуночную песню поэзии,
вплетя в неё листву и дождь.
Лишь ты рассказала о начале дел
земли, её державы мощь,
о схороненной связки стрел, —
о том, что поведала тебе листва.
Я видел, как, впадая в океан,
цветя и множась ты бухты, рукава вила
и о кровавом прошлом рассказала нам.

5. Минералы

Мать тайных самородков – профицит,
покрывал твои ресницы кровью!
Горящий чернотой антрацит
был снега оборотной стороною.
Ванадий обращался в дождевые спицы,
чтобы войти под золотые своды,
а висмут плёл целебные косицы
в метеоритную лозу, в сапфиров катакомбы.

Солдатик, спящий на плато,
в своём из олова мундире,
но медь вершит разбой уже не тот
в потустороннем, тёмном мире.
Колумбия, не знаешь ты нюансов жизни,
затаившихся в утёсах напастей,
золотоносная жила отчизны
притягивала хищных династий.

Спала ты, каменная суть свершений —
гиблая слеза глухого дома,
сирена дремлющих артерий,
ночная змейка, белладонна.
Умчался я циклоном и с отчаянием,
поднимаясь в рубиновых лозах,
но немел навеки изваянием
нитрата на безжизненных песках.

6. Люди

Люди из воздуха и валунов, потомки из глины сосудами
были.

Луна перемолола цвет и корень, замешивая плоть
в карибы.

Вот двинулись островитяне, неся букеты и венки
из серноватистых ракушек, трубя в тритония завитки.
Тараумара подняли клинки, кремнем и кровью огонь
высекали

и заново из лучшей глины распалённые плоды они зачинали.

Фазаньей пышностью слепя и округляясь божествами, ацтекские жрецы спускались по тесанным ступеням храма.

Уже возвышалась пирамида – агония, вихрь и гранит, как громовое эхо, катилась кровь из ритуальных плит, но тысячи людей оберегали ростки грядущих урожаев, вплетая радужные перья, солнце мира они изображали. Грохот Чечена по майской сельве постепенно рос и нарастал, люди возвели геометрические соты, а разум в тайне угрожал основам, укреплённым кровью, – подтачивая небеса, неся целебные травы и врезая в камень письмена.

Весь юг был золотистым чудом.

Мачу-Пикчу – райские врата, высокие безлюдья, людская воля разрушала гнёзда птиц порой, хватая зёрна изрезанной ледником рукой.

Встречая утро, Куско проступал твердыней башен и хранилищ злака,

и мыслящим цветением земли был тот народ сверкающего мрака,

в чьих пальцах аметистовый венец неисповедимо трепетал.

Побег из горного маиса с земляных террас вставал,

а на застывшей лаве тропок теснились боги и кувшины.
Земной простор благоухал державной снеди на вершине.
Народ мой – потомство бирюзы и порождение скал,
спускался к морю, откуда свои беды ожидал,
над крышами стелился шлейф из солнечной мякины.
Была пещерой голубая сельва, по ней тянулись песни
гуарани,
а над Америкой незваной вздымался отдельно Арауко,
и песня гончара над кругом была слышна без звука.

Умолкло всё: вода и воздух, но из-под ветки смотрит
воин,
сверкнёт зрачками ягуар, и только копья наготове,
пронизывая тысячами стрел, там ветер свищет грозный.

Вглядись в пустое поле битвы, взгляни на торсы
и на бёдра, на смоляные пряди, лоснящиеся под луной.
Нет ни души, лишь птица всхлипнет и ручеёк журчит
ночной.
Вот только кондор камнем рухнет, и слышно, как
крадётся пума
среди деревьев, и нет здесь больше никого, лишь камни
Арауко.

ВЕРШИНЫ МАЧУ-ПИКЧУ

С облака на облако, с ветра по ветру
я пробирался переулками где-то,
прорубленных в небе; прощания и встречи,
осенних листьев медные монеты,
а следом – лето колосьев, а выше – весна,
словно любовь нам подарила луна.
Меня ждали в компании скрипок уединённым,
а я объявился с городом погребённым,

с миром, завинченным в землю спиралью,
вонзённой под вздох в глубину и с печалью,
в которой цветёт и хрипит селитра —
в самом золотом месте рудного мира.
Словно клинок, облачённый в блеск метеора,
я погрузился в детородное чрево земного
и окунулся в глубинные воды веры,
просочившись каплей в безмолвие серы,
вернулся к жасмину на ощупь века,
увядшей совсем весны человека.

2

Весна, соитье цветов, благословенное семя находит
приют и в скале,
в складках песка, в алмазах, но человек упорно топчет
света цветы
и буравит металл среди ветоши, гари и дыма, вздыхая
душой своей.

Кварцевая пыль, бессонные ночи, соль слёз в океане где-то,
ледяные озёра слёз, – но ему и этого мало всегда.

Он травит душу деньгами, злобой обрекает на муки,
топит её в болоте обыденных будней, когда
скручивает колючей проволокой ей руки.

Угрюмый товар торговцев людьми вымер не зря,
столько лет звучало прозрачное слово росы.
Сколько раз на зимней улице или на палубе корабля,
в минуту одиночества ночные часы
одолевали во время всеобщего пира.
Я пытался под перезвон колоколов и теней
в логове людского наслаждения этого мира,
найти жилу жизни в поцелуе, в молнии, среди камней.

Она трепещет в колосьях пшеницы,
в тугих зёрнах, как у зачавшей женщины груди,
вещая нежность живородящей плоти девицы,
трансформирует воду в прозрачную родину земли
и заставляет звучать колокольной медью величий —
всё, от бесстрастного льда до тёплой крови и дальше.
Я так и не нашёл, кроме вороха лиц и обличий,
ничего, кроме суетливых, похожих на золото фальши.

Опавшая ветошь одежды, измученные временем
мужики, —

жалкое древо испуганных племён. Кто же такой человек?
В каком его слове, в каком уголке его мира музыки
и машин,
из его железных жестов живёт неистребимая жизнь
столько лет?

3

Жизнь людей, словно в маиса початках,
теряя зёрна напрасных поступков, убывала она
в мелких свершениях и тщетных заботах,
множество смертей ожидало каждого, а не одна.
Человек ежедневно умирал маленькой смертью смело —
прах, черви, светильник, погасший в зловонной слободе,
впивались клювом, как дротиком, в его тело,
а мелкая смерть на могучих крыльях настигала людей.

Нож, приставленный к горлу и голод, – был удел их
обитатели,
дети доков, капитаны утлого плуга, прохожие всё чаще —
изнемогали в ожидании смерти, трепеща
от предчувствия гибели,
ежедневно припадая губами к её чёрной чаше.

4

Властная смерть, сколько раз ты меня призывала!
Словно соль в океанской волне, незримый запах ты
источала.

Я приник сердцем к острию стальной шпаги,
в звёздной пустыне делаю предсмертные шаги,
вник в теснины ветра, в провалы камня и хлеба тоже,
в сущность головокружительной спирали – и всё же,
о смерть, безбрежное море, ты не набег волны за волной,
а поступи просветления, свод ясных итогов мысли
ночной.

Своё пришествие не спрячешь за пазуху без слов
и невозможно представить без рассветных ковров,
без погребённой в земле горькой отчизны слёз.
Я не смог полюбить в человеке дерево всерьёз,
эту жёлтую смерть миллиардов листьев бесполезных.
Полюбить лже смерть и воскрешение вне земли и вне
бездны.

Я возжелал проплыть по руслу широкой жизни,
достичь самых излучистых устьев отчизны.

Когда от меня отрекались люди, я был уже опечален
и бросился в водоворот улиц, городов, мастерских
и спален,
сквозь пустыню пронёс солёную маску лица
и в самой убогой хижине – без хлеба и света,
без свечи и камня, без тишины, но с тенью, —
я пал, умирая собственной смертью.

Ты не свинцовая смерть в стальном оперенье,

ютилась в пустотелом питомце нищих камор,
второпях вкушавшего хлеб насущный и творенья,
это было нечто иное, оборванных струн минор.
Роса не проступившая на лбу, сердце после боя —
словом, то, что не могло уже возродиться:
осколок маленькой смерти, лишённой земли и покоя,
ветхий костяк, треснувший колокол, им не измениться.

Вот и сорвал я пропитанные кровью бинты,
руки в боль погрузил, смерть нашла свои бреши,
но не увидел я в её зияющей ране следы,
кроме стылого ветра в смутной части своей души.

6

И тогда я взошёл по тяжёлым ступеням земли,
на Мачу-Пикчу взобрался по зарослям сельвы.
Горный город гранённого камня, последний порог, —
не скрывающий земное от земли на ветру острог,
на котором качались каменные колыбели молний.
Здесь набухал маис, осыпаясь градом коричневых зёрен,
золотое руно ламы одевало вождей и жрецов,
тут ночью в пещере человек разгонял орлов,

а на рассвете поступь грома топтала жидкий туман,
на ощупь земля и камень создавали в потёмках обман.
Мачу-Пикчу – мать камня, родина кондора,
забытый риф зари человека, бескрайнего простора.
Остался лишь ласкающий лики усопших ветер,

пальцы апельсиновых цветов – ветра тысячелетий,
голубой ветер и стихии металлических гор, —
да время, надрав до блеска пустынный простор.

7

Погребённые в общей бездне, тени одной могилы,
будто под стать вашему величью – дети одной пучины.
Вы рухнули, словно в осень, в пропасть общей кончины.
Выпала вам настоящая смерть – с высоты точённых скал,
обагрённых шпилей и акведуков, громадьё портала.
Уже не плачет по вас осиротевший ветра шквал,
он забыл про вспоротое ножами молний небо.
Дождь и туман источили мощное дерево,

а повалили его лесорубы-бури.

Рухнуло дерево, уронило ветвистые руки
с высоты поднебесья на дно глубоких времён,
рухнул язык и обычай, обличья света, ярких имён,
но осталось надгробие камня и слова эпитафии времени,
зажатые в окостеневших пальцах мёртвого племени.
Вздывается к небу этот гранитный город веков —
крепостная стена, трепет каменных лепестков,

вечная роза, жильё и обитель, горный риф орлиный,
когда руки в красной глине сами сделались глиной
и закатились глаза, населённые крепостные стены,
когда человек исчез, растворился в провале столетий, —
осталась воздетая к небу чёткость точечного камня,

горная обитель зари человечества, высокогорный сосуд,
до краёв налитый безмолвием, и наша память,
пришедшая на смену бесчисленным жизням – живой
камень.

8

Взойди со мной на эти кручи, любовь, Америка моя.
Поцелуй эти вещие камни Урубамбы,
пролей в золотые чаши цветов пыльцу в виде дождя.
Воспари, гранитная лиана и гулкие камни,
над безмолвием чёрного ущелья.
Крылья земли окропи каплей жизни Бермудов,
снизойди одичалая влага со снежного оцепенения,
лёд и хрусталь, хрупкая пыль изумрудов,

развейся всплесками ветра.

Любовь с высот кремневых краяей поэта,
прозрей и возлюби слепого сына снега
на перекрёстке ночи и розового рассвета.
Стеклянные космы водопада Виллькамау,
оглушают небо твои бури отвесные, —
на каком языке ты говоришь, я не понимаю
с развороченными тобой недрами.

Кто овладел и приковал молнию стужи,
увенчав точечными клинками
и заморозив кровь в горячих жилах снаружи,
обращённого внезапно воина в камень.

Кто разгадает пленённого блеска тайны?
Кто извращает чёрный язык и наречье со льдом,
глубинную речь твоих родников и стоны?
Кто косит ресницы цветов, глядящих живьём?

Кто бросает гроздья лоз в обугленные недра?
Кто размыкает звенья на дереве уз и нас покинул?
Пусть снова погребённых забирает природа?

Любовь, не обожествляй того, кто просто сгинул,
дай вызреть времени в заброшенных колодцах.
Вдохни свист ветра высоты вдоль Кордильер
и, приняв горькое приветствие росы на солнце,
войди в чашу по мёртвой, змеиной дороге из пещер.

Там, в сельве, осевшей пылью зелёной звезды,
трепет Мантур, в обители камня, в лесу,
последняя степень безмолвия и беды.
Приди ко мне, к моему одиночеству и рассвету,
коронованный кем-то камень.
Мёртвое царство вымирает на своих просторах.
По циферблату времени, словно чёрный корабль,
ползает кровожадная тень кондора.

9

Звёздный орлан, павший редут, яркость клинка и гроздья
тумана.

Звёздная лента, празднество хлеба, предвечное око,
аккорд урагана —

гранитная пыль, светильня утёса,
каменный хлеб, змеиные руды, железная роза.

Корабль погребённый, гранитный родник, лошадь луны,
свечение страха.

Плита равноденствия, каменный дым, гранитная книга,
геометрия праха.

Тёсаный молнией айсберг, коралл утонувшего времени,
опустившись на дно,
крыша небес, покорённая крыльями, гроздь зеркала
и бури гнездо.

Вьюнок, поваливший тяжёлые троны, царство кровавых
когтей и грозы —
шквал, заточенный в сердце теснины и застывший
водоём бирюзы.

Колокол на колокольне усопших, в каземате утёсов гром
и молния снова, —
объятия пумы, кровожадные скалы, мрачная башня
и ледовитое слово.

Полночь на цыпочках древних корней, свинцовая
горlinka, прорубь тумана.

Хребет Кордильер, дерево ночи, статуи грома под
крышей океана, —

архитектура орлиного взлёта, струна поднебесья, пчела
высоты и удавы.

Кровавая кромка, рукотворное солнце, кварцевый луч
и бульканье лавы, —

дракон Кордильер, чело амаранта и Бора-Бора.

Купол безмолвия, истоки отчизны, крона собора,
чернокрылая вишня, пригоршня соли, снежные зубья,
морозные грозы, —

месяц-подранок, косматая стужа, шторм урагана
и камень угрозы.

Длани, как лава, каскад полуночный на перекрёстке
дорог,

плеск серебра, нацеленность времени – продолжается
жизни урок.

10

Бедные руки, ноги, жизнь, дни света распались на нити,
камень в камне, человек, куда он исчез и где ты?

Был ли ты незавершённым обломком событий,
орла пустого, терзающего душу свою до самой смерти?

Голод человека, тайный росток, корень для корчевания
посажен,

но не твой чертёж в очертаниях высоких башен.

Соль дорог, я тебя прошу, покажи мне свои переулки,
позволь архитектурам глотать палочкой каменные
рисунки.

Мачу-Пикчу ты положила камень на камень,
а в основании – лохмотья.

Пламя в золото, а в нём – алая крупная капля крови
и проклятья.

Верни раба, погребённого тобой дурака!

Вытряси из земли хлеб зачерствелый бедняка,
покажи мне лохмотья и оконце раба!

Поведай мне, как спал он при жизни тогда
и хрипел ли он в поту во сне,
как чёрные дыры, пробитые изнеможеньем в стене.

О, стена, каждый каменный ярус давил его сон наяву.
Америка – древняя утопленница, и посему
невеста тянется к пустому небу богов,
под брачными флагами, гром барабанов и копий звонков.
Вот так, Америка, похороненная, ты сохранила,
как орёл, в горьких кишках своих голод и силу.

11

Сквозь блеск неясный и смутный, каменный мрак,
дай протянуть мне руку, и пусть затрепещет всяк,
кто как птица, пленённая тысячу лет,
и древнее сердце – забытый человек!

Дай позабыть мне счастье, словно море широкое,
человек шире морей с островами его одинокими.

Можно упасть в него, как в колодец, и со дна подняться,
с ветвью скрытой воды и утонувших истин обняться.

Дай мне забыть широкий камень, мощность пропорций,

огромность размеров и каменные соты,
дай скользнуть мне рукой невесомо
по гипотенузе терпкой крови и кремнезёма.
Когда яростный кондор, словно подковой,
бьёт по вискам моим, налетая, словом тяжёлым,
когда ураган хищных перьев взметает тёмную пыль
и с диагональной лестницы переходит из сказки в быль,

я не вижу быстрой птицы и слепого цикла её когтей.
Я вижу древнего раба, уснувшего на поле смертей,
и его тело, тысячи тел, мужчину и женщину, тысячи
окаменевших тяжко, как статуи под шквалом ливня
и ночи.

Хуан Каменотёс – Виракочи сын,
Хуан Глотающий Холод – звезды зелёной сын,
Хуан Босоногий – внук бирюзового камня,
поднимитесь родиться со мной, мои братья.

12

Встаньте, братья мои, к рождению вместе со мной.
Протяните мне руку из глубокой зоны страдания.
Не вернётся из каменной глыбы и веков подземных
домой, —
и твой голос окаменелый, и глаза твои в истязаньях.

Взгляни на меня сквозь толщу земную,
землепашец, ткач, пастух молчаливый и каменщик,

водонос тех слёз, что пролили Анды впустую,
ювелир без кожи на пальцах, земледелец за посев
дрожащий.

Не вернётся гончар, погрязший в глине, несите всё
к чаше
этой новой жизни, погребённые скорби ваши.
Покажите шрамы, кровь и камень, где вы упали,
и то дерево, где вас когда-то распяли.
Искрами древних кремней осветите
старинные ваши лампы и плети,
которыми вас стегали по ранам,
топоры покажите с их блеском кровавым.

Говорить я устами вашими буду.
Через землю всю ко мне протяните
умолкшие ваши истлевшие губы,
из бездны всю долгую ночь говорите,
как будто якорем прикован я к вам,
цепь за цепью обо всём расскажите,
звено за звеном, доступно шагам,
достаньте ножи свои и наточите.

Вложите их в сердце моё и в руку,
как в истлевших давно ягуаров реку.
Дайте оплакать дни и годы, столетья созвездий.
Дайте молчание мне, воду и немного надежды.
Железо, вулканы в руки возьмите.
Телами ко мне, как магниты, прильните,

в губы и вены проникнуть велите,
словами и кровью со мной говорите.

ЗАВОЕВАТЕЛИ

1. Они пришли на острова 1492 год

К тому времени убийцы разорили острова.
Был первым Гуанахани в этой повести мучений.
Дети глины увидели разбитой улыбку свою тогда,
на их хрупкое тело посыпались уколы извержений.
Их вязали и мучили, пытали огнём, их сжигали,
но смерти они так и не узнали, их живьём зарывали,
время отыграло свой вальс в пальмовой чаще,
зелёный зал опустел, вот что было дальше.

Только кости, сложенные крестом, остались
на континенте,
да вящая слава Господа и людей, покинувших свой дом.
От вершин известковой гряды до ветвей Сотавенто,
до коралловых островов – всё Норвайс порезал ножом.
Тут крест, чётки там, а здесь Мадонна Петли Тугой,
так Колумбов алмаз принял стяг фосфорической Кубы.

2. Настала очередь Кубы

А потом были пепел и кровь,
позже пальмы остались одни.
Куба, моя любовь,

тебя привязали и лицо твоё рассекли,
раздавили тело твоё, искололи ножами,
разделили тебя и сожгли, кровоточат все твои раны.
По долинам твоим спускались убийцы людей,
в тумане холмов скрылись шлемы твоих сыновей,

но и там настигли каждого невинного,
истребили их всех до единого.
Растерзали в пытках тела все твои,
где-то вдали от родной земли.
Куба, любовь моя,
озноб сотрясал тебя,
пока ты не стала голой,
одинокой, дикой, безмолвной,
пока не заспорили крабы морей
о костях твоих сыновей.

3. Они приплыли в Мексику в 1519 году

Они коней сгрузили с кораблей, их ветер Веракрус-убийца принёс.

Они из южных гаваней приплыли, чтоб творить убийство и грабёж.

Здесь Ариас, Мальдонадо, Рохас – сыны бесправия испанских тайн.

Эти люди погибнут, или оживут на горячем ветру за лесом из пальм.

Тут простой народ из Монтелья, суровых рук из Оканьи.
Это руки кузнецов, их глаза глядят на солнце и пальмы.

Древний голод Европы, словно хвост смертельной планеты,
он играл с ними в кости и паруса надувал им попутный ветер,
уплывая дальше от вшей, феодального бича и тюремных галер,
голод повсюду, голый топор – скиталец, – мачеха народных манер.

Вот уже Нуньес и Берналес видят безграничный свет и покой,
семья обездоленных мира, нет числа их горестям, жизнь стала другой.

4. Кортес

У Кортеса нет племени, он молния, холодная струя,
мёртвое сердце под железной бронёй.

Он идёт вперёд, вонзая кинжалы, низины бичуя
и горные цепи дразня и благоухая собой.

Он расставляет войско среди орхидей
и доходит до самых ворот Гласкалы.

Там основы королевства из недр корней,
столько слёз и кровь дождём омывает скалы,

из них реки можно создать, и слёзы глазам произведут оплату.

Кортес получает в подарок золотую палату

и пропуск, чтобы дальше быстрее идти,
а Кортес вновь заостряет кинжалы свои.

Правитель выходит на балкон, и народ швыряет камни
в ответ,

Гул страданий до него докатился, и он в Тласкалу
вернулся вослед.

5. Чолула

В Чолуле молодёжь разоделась в ткани, золото и перья,
надела праздничную обувь – ждёт, что скажет чужеземец.
За него ей ответила смерть, телами усыпана вся земля,
и слышно в сырой и свежей бездне стук пронзённых
сердец.

Сплетения этого дня ворвались на конях и руки отсекали,
что в знак дружбы тянулись к ним с золотом и цветами.
Оцепили всю площадь, рубили и цвет государства
убивали,
по локоть в кровь моих братьев обманутых окунали.

6. Альварадо

Ножичком прогулялся по хижинам индейцев Альварадо,
он похитил брачную розу, срывая наследия ювелиров,
жестоко

нападая на религии, расы, владения, присваивал стада.

Для воров он рог изобилия, а для смерти – её тайный
сокол.

Так принёс он к великой зелёной реке Папалоопан,

реке мотыльков свой стяг, весь забрызганный кровью.
Река печально глядела, как умирали дети разных стран,
выживали в рабстве и близ вод своих изнывали от боли,

на кострах, где пытали расу, мозг молодёжи и разум,
а потом только угли остались на берегах,
но конца всё не видно страданиям и экстазу —
к новым рубежам Альварадо направил свой шаг.

7. Гватемала

Нежная Гватемала, каждый камень таит каплю крови,
Альварадо раздробил твоё племя и поневоле,
разбил все звёздные стелы, насладившись мучением
твоим,
свирепые тигры сожрали всех местных мужчин.
В Юкатан вошёл епископ по следу бледных тигров.
Он велел собрать всю мудрость, и стало видно,
что было с первых дней мироздания.
С той самой поры, как первый Майя,

дрожь реки в письменах отметил и в картинах,
науку цветочной пыли, гнев божества долины,
историю переселений в начале вселенной зарницы.
Законы пчелиных ульев, тайны зелёной птицы,
язык небесных созвездий, все тайны дня и ночи эфира,
собранные на берегах перманентного развития мира.
Вот и поднял епископ руку и сжёг все книги вместо
эпилога.

Он превратил их листы в дым, во славу маленького бога,
изъеденные тьмой столетий,
дым не вернётся с неба без сомнений.

8. Стихи в память Бальбоа

Герой открытий! Вся безмерность моря и пена волн, вся
ширь луны,
всё царство вод спустя века с тобой устами мной опять
озвучены.

Ещё до смерти ты достиг предела, свою усталость к небу
ты вознёс,
в глазах твоих скрепили узы брака огромность дня
и маленькая ночь,
на берега земных морей – к величью океана привёл тебя
холодный пот,
и ты наполнил, но не поднял чашу, которую так долго
ждал народ.
С тобой спустились молнии и громы и хлынули на землю
ливни,
в глаза твои ворвался вихрем цветник душистый
апельсина.

Ты был марионеткой власти, женихом в безмерном чреве
океана,
неясный запах – ты его похитил у царственного моря
из тумана,

а в кровь твою проникла дерзкая заря
и одержимым сделала тебя.

Жених, обречённый на смерть, уже свершилась измена,
когда ты, юный капитан, вернулся к хмурым землям,
ты мёртвый был, тебя ждала земля – твои навеки
успокоить кости.

Недаром прошли по страницам истории некие тонкости:

сокол съел гнездо своё, а преступления всё пожирали,
змеи сползались, друг друга раня жалом своим.

Вот ты и в сумрак яростный вступил, как-только
зашагали

на бреге моря смерти – под блеском морских пучин.

9. Хименес Де Кесада

Они плывут сюда, корабли Гонсало Хименеса.

О, река, прегради им дорогу, сомкни свои берега,
утопи содроганьем своим, вырви алчность из их сердца.

Опрокинь на них смерч разных тварей, что съедают глаза.
Стреляй в них огнём ягуаров с деревьев, в полушарие
своё погрузи,

чёрным илом врагов ослепи, кровососных мух на них
напусти.

Ты свяжи их корнями во мраке своего первобытного
ложа.

В гной их кровь сгущи и губами крабов им лёгкие гложет.

Вот они уж проникли в рощи, убивают и грабят без меры.

О, Колумбия! Защити покров своей таинственной сельвы.

Вот они занесли свой нож над святилищем инков,
а потом схватили жреца и связали его и мучили принца.
Вот и он уже обезглавлен.

Его голова глядит на меня глазами,
которых никто не закроеет, взором нагой зелёной отчизны,

а потом снова были кони, и они сжигали все избы.

Снова были пытки и шпаги, а потом только угли тлели.

Да из пепла не закрывшиеся глаза глядели на нас
и глядели.

10. Слёт воронов

В Панаму слетелись бесы, и хорьки заключили союз.

Им свечи светили тускло, когда они там сошлись.

Первым был Альмагро – кривой и старый,

за ним пришёл свинопас Писарро,

третьим был каноник Лука – знаток в мракобесии.

Каждый за спиной компаньона держал кинжалы свои,

грязным взором на стене кровь наблюдали,

и золото далёких царств, что их вовлекали.

Вот был скреплен союз, Лука поднял чашу неспешно,

а трое воров замесили облатку с наглой усмешкой.

Тёмный Перу, затопленный морем, был отмечен их
знаком.

Сотни чёрных крестов на судах отплыли к югу во мраке.

Здесь были кресты агоний из лохмотьев и волокон,
кресты с колючками гадов, в нарывах все гнойных,
кресты похожи были на лапы паучьи,
зловещие кресты на них были – охотничьи.

11. Агония и Красная черта

В Кахамарке началась агония века.

Это был неистовый галоп и неясный блеск с побережья.
Так появились капитаны, к ним вышел с музыкой Инка.

Бородатые с другой планеты пришли невежды,
и Вальверде, капеллан, шакал, объявил устами:

«Убивайте Инков, я все грехи заранее учту».

Десять тысяч перуанцев полегло под их мечами.

Монарх провёл над лбами бандитов красную черту.

Надо было наполнить комнату золотом и серебром при этом,

день и ночь кружилось колесо пыток до тех пор,
пока у невест срывали браслеты, а крестьяне несли монеты,

кружась, катилось золотое колесо к вершинам гор.

Сбежались тигры в стаю, кровь и слёзы поделили до мелочей.

Бандиты измерили ногтями все сажени,

печальный вождь различал хохот монаха в голосах палачей,

его сердце наполнилось острой горечью хины.

Он созрел умом, и безмолвие его высочества
думало о своих владениях и нагорном Куско,
загадкой было всё – ножом и одиночеством,
кровавая черта поглощала богатства и дышало грустью
немного царства на пороге смерти и нирваны.
Вошла смерть, но Вальверде не понял её веру,
пока готовили костёр, затянули на шее верёвку Хуану,
и острый крюк вонзился в скорбную душу Перу!

12. Элегия

Один в безлюдье равнин, я плакать хочу, как реки,
потемнеть и уснуть, словно в древнюю ночь руды твоей.
Как светозарные ключи попали злодею в руки?
Поднимись, Оэльо, доверь тайну недр истоме долгих
ночей.

Свою мудрость вдохни мне в жилы и отмерь!
Я не прошу солнце, а говорю с тобой сквозь сон оков.
Взываю мать Перу к земле – утроба Кордильер,
лавиной кинжалов попала за ограду твоих песков?

Из твоих я вышел корней, но я тёмный умом и ты —
мне земля не открыла мудрость свою среди могил.
Сон нелепый смог змеёй доползти до красной черты.
Очи скорби, ветвистый мрак! Укус ветра зачем испил?
Почему не вознёс тиару свою из глины Капак?
Дай мне лечь и страдать, хмурой ночью уйти под землю
и в земле мёртвым корнем не зацвести бы никак.
Я вернусь туда с моим горем и отыщу золотое жерло.

13. Войны

После и до часов из гранита катилось пламя пожара.
Альмагро, Вальверде, Кастильо, Уриас, Писарро,
убивали друг друга и делили награбленное добро,
спорили о династиях и похищали жён своих и золото.
В корале давились, истекая кровью на просторах,
рухнуло древо разбоя от гангрены в жестких раздорах!
Тогда воцарилась смерть над агонией своих детей,
на землях Перу крысы обглодали их до костей,

как и прежде, вгрызалась утроба в утробу
и, губя, погибала сама понемногу.
Мясники, упавшие в грязь алчной наживы кентавры,
божки, сокрушенные блеском золота, истребили
сами племя своё людей с окровавленными когтями.
Возле скал нагорного Куско в золотой пыли возродили
театр адских империй: там Разбой был с зелёной мордой,
умащённая кровью Похоть и Корысть с золотыми
ногтями,
Измена с пастью гнилой, Крест, подобный хищному гаду,
гордый,
Виселица на фоне снега и смерть, как воздух, под своей
бронью.

14. Сражающая земля Чили

Альмагро принёс с севера морщины молний,

как истинный испанец он был в плену безмолвий,
изучал зловещую стратегию пространств.
Вся пена волн глубинных царств
и её тишина таилась в длинных очертаниях,
весь уголь недр в таинственных лобзаниях.
На пальцах золото горело и серебром,
луны унылый профиль был освещён.

Привык испанец возле розы и оливок жить,
не мог подумать он, чтоб из этой груды глыб,
под древним небом, где держал с вином бокал,
страна возникла там, где лишь помёт орлов лежал.
Ветер Чили повергал и корысть, и лошадей,
и на празднике ледяном они съели своих коней.
Сжигал захватчиков шаги Араукании свет,
голод двинулся по пятам за Альмагро вослед.

Земля противилась морям Кордильер.
Так на юге слуг Альмагро поджидала смерть,
пока он не решил к Перу повернуть коня,
зловещим галопом бандиты сметали поля,
но его и на севере поджидал смертельный страх,
на дороге сидела смерть и держала секиру в руках.

15. Союз земли и человека. Вальдивия

Араукания – горло минералов, царство дождей
и стихийных дубов.
Мои предки не знали шлемов в ярких опереньях,

они были камнем и листьями в форме пики, корнями кустов
и головами воинственного металла в ущельях.
Из камня тени сплелись с мраком природы,
стали дикой, неровной почвой, шипами её сельвы.
Родилась единая Отчизна, ожидая битвы,
враг возвратился, а звали его Педро Вальдивия.

Захватчик поделил мечом меж ворами всю землю.
Всю Отчизну поделили, словно труп осла, и потом
только громады Кордильер вздымали белизну и бронзу.
Тогда и появился Арауко, он не хотел оставаться рабом,
но Вальдивия-палач пролил океан крови столетий.
Разъярённый коршун прилетел туда в траурной броне,
погрузив время и землю во тьму событий.
Арауко поставил на огонь своё блюдо из крови и камней.

Пришли семь вождей договориться о судьбе,
но испанцы обезглавили их, купаясь в крови,
мечтали покорить Арауко, об этом узнали все:
дождь, дерево, рыбаки, кудесники юга земли.
Так на реке Био-Био началась в отечестве война.
С копья Вальдивии сочилась кровь, и сжалось сердце
Арауко,
он убил пастушью зарю теперь уже навсегда,
сжёг дом владыки лесов и обрёл лесное царство на пытку.
Пленным отрубили руки, отрезали уши и носы,
так кровавой перчаткой он пометил камни земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.